

Научная статья

УДК: 821.161.1

DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.02

МЕМУАРЫ О МАКСИМЕ ГОРЬКОМ КАК ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА XX ВЕКА

Быстрова Ольга Васильевна

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН,

bystrova63@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1542-2516>.

Аннотация. В статье поднимается вопрос о мемуарах как источнике сведений о биографии писателя и литературного процесса столетия. Эта разновидность документальной литературы являет собой исповедальное повествование о времени и окружающих людях, которые рассматриваются через призму общественно-социальной и литературно-художественной жизни. Среди авторов мемуаров о Горьком есть и рабочие, и литературоведы, и государственные деятели. Приведенные воспоминания Б. Ф. Малкина, И. А. Груздева, Ю. А. Покровского, А. Е. Богдановича и др. дают возможность осознать личность писателя во всей сложности его мировоззрения и художественного таланта. Поставлен вопрос о причинах купирования некоторых фрагментов воспоминаний, о фактах недостоверных мемуаров, о правомерности оспаривания некоторых свидетельств.

Ключевые слова: документальная литература; мемуаристика; литературный процесс XX века; фактография; эпистолярный.

Для цитирования: Быстрова О. В. Мемуары о Максиме Горьком как проблема изучения литературного процесса XX века // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2021. № 4 (44). С. 16–25. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.02

Original article

MEMOIRS ABOUT MAXIM GORKY AS AN ANGLE OF STUDYING XX CENTURY LITERATURE

Olga V. Bystrova

The Institute of World Literature named after A. M. Gorky

of the Russian Academy of Sciences;

Department of Publication and Study of M. Gorky's Creative Heritage,

bystrova63@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1542-2516>

Abstract. The article raises the question of memoirs as a source of studying the biography of the writer and the literary background of the century. This kind of nonfiction is a confessional narrative about the time being and people around, which is viewed through the prism of social, literary and artistic life. The list of authors writing memoirs about Gorky united workers, literary critics, and statesmen. The memoirs by B. F. Malkin, I. A. Gruzdev,

© Быстрова О. В., 2021

Y. A. Pokrovsky, A. E. Bogdanovich, etc. contribute to realizing the image of the writer in all the complexity of his worldview and artistic talent. The issues to be discussed include the one concerning the reasons for eliminating some fragments of memories, about fake memoirs, about disputing some of the testimonies being legitimate.

Keywords: nonfiction; memoiristics; literature of the twentieth century; factography; epistolary.

For citation: Bystrova O. V. Memoirs about Maxim Gorky as an Angle of Studying XX Century Literature. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2021. № 4 (44): 16–25. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.02

Документальная литература всегда привлекала исследователей. Как выразился об этом Ю. Лотман, «знать какие-либо факты и понимать их — вещи совершенно разные. <...> люди действуют по мотивам, побуждениям своей эпохи. Если не знать этих мотивов, то действия людей часто будут казаться необъяснимыми...» [1, с. 13].

Мемуары как разновидность документальной литературы являются исповедальным повествованием о себе, рассматриваемым через призму общественно-социальной и литературно-художественной жизни. Прямое восприятие событий автором мемуаров, его реакция на происходящее, стремление донести свое мироощущение — все это помогает персонифицировать исторический процесс, а в некоторых случаях увидеть одно и то же событие через призму разных взглядов.

Среди тех, кто оставил свои воспоминания о Максиме Горьком, самые разные люди: от простых рабочих до государственных деятелей. Их представления о писателе зачастую были диаметрально противоположны. Так, руководитель Центрального агентства ВЦИК по распространению печати Б. Ф. Малкин писал о Горьком, сопоставляя его личность с масштабной фигурой Ленина. Он отметил у обоих выдающихся людей эпохи демократичность и «органическую, страстную ненависть к мещанству» [2, т. 2, с. 18]. Ленин, по словам Малкина, «ценил в Горьком его трудовую культуру» и всегда «подчеркивал, что трудовой путь Горького <...> должен его сближать с новой рабоче-крестьянской интеллигенцией, которая тоже усваивает культуру в упорном труде и борьбе» [2, т. 2, с. 18]. У философа-эмигранта Г. Федотова было иное мнение о писателе, в чей гуманизм он не верил, а любовь писателя к человеку называл «ненавидящей любовью» [3]. Ненависть Горького, по мнению философа, «направлена не только на тьму, жестокость и неправду в человеке, но и на его слабость и глупость <...> прививка нищезанятия в юности сблизила Горького с Лениным в этой готовности бить дураков по голове... Но, в отличие от Ленина, Горький не заигрывал с тьмой и не разнуздывал зверя» [3].

Самое первое воспоминание о Горьком относится к 1900 г. В газете «Россия» (№ 287) А. Федоров опубликовал эссе «Самородки», где рассказал о своих встречах с писателем. Но, несмотря на активную публикацию произведений писателя, до настоящего времени вся мемуарная литература о Горьком

не собрана воедино, рассеяна в бесчисленных изданиях, журналах, газетах. Она доступна сравнительно узкому кругу исследователей и читателей. До сих пор эта часть горьковского наследия недостаточно систематизирована, изучена и обобщена, хотя многие факты его биографии, освещающиеся в ней, давно стали достоянием горьковедения и литературоведения в целом. Так, можно вспомнить самый первый сборник воспоминаний о М. Горьком под редакцией И. А. Груздева [4]. Среди авторов были В. А. Десницкий, Н. А. Семашко, С. Я. Елпатьевский, С. Д. Протопопов, И. А. Белоусов, А. Н. Толстой, Вл. Немирович-Данченко, К. С. Станиславский, С. Я. Маршак, М. М. Пришвин, А. П. Пинкевич, Вс. Иванов, К. И. Чуковский, В. Б. Шкловский, Д. А. Лутохин, В. Г. Лидин, О. Д. Форш, Н. Н. Асеев и др. В предисловии к книге была оговорена цель участия в сборнике авторов воспоминаний, которые заявили, что стремятся полнее представить одного из самых сильных писателей мировой литературы за последние тридцать лет: «Создать законченный портрет Горького как писателя и человека — дело будущего. Воспоминания, собранные в этой книге, — только штрихи к такому портрету, свидетельства современников <...> для будущего исследователя послужат ценнейшим материалом» [4, с. 5].

Отношение Горького к воспоминаниям о себе было разным: от безразличия к источнику до публичного сомнения в достоверности изложенных фактов, хотя, по свидетельству его биографа писателя И. А. Груздева, писатель «в редких случаях печатно опровергал достоверность воспоминаний», поэтому большая их часть переиздавались еще при жизни писателя. Но порой Горький «указывал на вздорность того или иного факта воспоминаний — и так, что это ставило иногда под сомнение достоверность всего документа» [5, с. 630]. Примером этого служит один эпизод из переписки Груздева и Горького, касающийся книги воспоминаний В. А. Поссе¹.

Горький писал Груздеву 7 января 1930 г. о своих впечатлениях от прочтения книги Поссе: «Много он забыл, много рассказал не совсем так, кое-что — совсем не так. <...> В частности, он неправильно приписал мне разоблачение провокатора Гуровича, — разоблачил его С. Д. Протопопов, брат последнего “премьер”-министра. Протопопову сказал это жандармский офицер, а мне... — редактор “Нижегор. Листка” Станислав Гриневицкий. Я поехал в Питер и там сообщил эту новость» [6, т. 19, с. 173].

Из всех поправок Горького к данному эпизоду из книги Поссе можно выделить только одну неточность: А. Д. Протопопов не был премьер-министром правительства царской России, но был управляющим Министерства внутренних дел (с сентября 1916 г., по ходатайству Григория Распутина) и министром внутренних дел (с декабря 1916 г.), что было расценено депутатами IV Государственной думы как предательство, так как он являлся членом ее состава.

¹ В. А. Поссе (1864–1940) — журналист, издатель, революционер, сторонник кооперативного реформизма. В 1929 г. опубликовал книгу воспоминаний «Мой жизненный путь».

Горький сам нередко вспоминал о тех или иных событиях своей жизни, выступая в роли мемуариста. Так, в январе 1934 г. он получил письмо из Нижнего Новгорода. Адресат Юрий Александрович Покровский задавал вопрос о своем отце Александре Ивановиче Покровском. Интерес сына к прошлому отца был связан с тем, что он, будучи членом партии, в декабре 1933 г. не прошел партийную чистку по месту работы на Горьковской кондитерской фабрике «Красный Октябрь». Очевидно, это случилось по причине службы его отца, Александра Ивановича, в жандармерии, поэтому Юрию Александровичу было «необходимо знать хотя бы краткую характеристику <...> отца, был ли он действительным жандармом и зверски обращался к заключенным, а особенно к политзаключенным или нет...» [7].

В своем письме адресат сообщал, что лишился отца в 1919 г. в возрасте десяти лет. По рассказам матери, отец никогда «не издевался так над заключенными, как это практиковалось в системе жандармерии <...> был добр и справедлив, даже делал ряд поощрений заключенным» [7]. Далее Ю. А. Покровский сообщал, что в его домашней библиотеке есть полное собрание горьковских сочинений и «на обложке одной из книг есть надпись такого содержания: “В память Александру Ивановичу Покровскому от бывшего арестанта”» с подписью самого Горького [7].

Вспомнив о своем заключении в Нижегородской тюрьме в период с 17 апреля по 17 мая 1901 г., Горький откликнулся на просьбу: «Товарищ Покровский — сообщаю Вам, что сидя в Нижегородской тюрьме я, со стороны ее начальника Александра Ивановича Покровского никаких стеснений не испытывал и от товарищей моих указаний на некорректное отношение к ним Покровского — не слышал» [8]. Далее Горький сообщал личные и ценные для сына сведения о его отце и матери, их женитьбе и мотивах отца, побудивших его сделать предложение «девушке, которую он знал еще ребенком» [8]. По мнению писателя, отец Ю. А. Покровского «был человек “мягкий”, добродушный и тяготившийся своей должностью» [8].

О нижегородском сидении в тюрьме вспоминал Скиталец, который проходил по политическому делу вместе с будущим классиком, отбывал с ним срок и подтверждал, что Горький всегда «привлекал симпатии всей тюрьмы, включая даже тюремное начальство» [9, с. 241]. Описал он и начальника тюрьмы Покровского: «...начальником тюрьмы был интеллигентный человек — поклонник таланта Горького. Он делал для нас всевозможные поблажки, чтобы облегчить нам наше положение» [9, с. 241]. Далее он рисует мирную картину, когда на прогулке арестанты и их охрана «усаживались на травке, покрывавшей весь тюремный двор, дружелюбно беседуя. <...> ...Горький всегда им что-то рассказывал с обычным своим мастерством, убедительностью и юмором» [9, с. 244].

К слову сказать, письмо писателя, представленное в партийную комиссию, сыграло свою роль — Покровского восстановили в партии.

Но довольно часто исследователи сталкиваются с сознательными искажениями, вызванными разными причинами. Нельзя не согласиться с мнением

В. Шершеневича, уловившего специфику мемуаров — их субъективность: «Воспоминания — это поединок Я и фактов. Что такое факт в воспоминаниях? Нечто не более достоверное, чем рассказ очевидца» [10, с. 420]. Он также полагал, что нельзя судить о событиях, изложенных в мемуарах, не изучив этого самого Я, или авторской сущности. Биография Горького в большей степени, чем чья-либо другая, оказалась на перекрестке разного рода воспоминаний сомнительной достоверности. Неслучайно И. А. Бунин в своем эссе «Горький» заявил, что о писателе «никто не имеет точного представления» [11, с. 410].

Мемуарная литература (в своей совокупности вместе с научными изысканиями, эпистолярием) призвана восстанавливать так называемые белые пятна в биографии. К чести горьковедов, такая работа проводилась всегда. В 2018 г. коллективом научных сотрудников ИМЛИ РАН была предпринята работа по изданию произведений и черновых записей воспоминаний Адама Егоровича и Максима Адамовича Богдановичей. Первое сравнение вариантов воспоминаний (черновых и опубликованных в 1965 г.) А. Е. Богдановича продемонстрировало пласты не дошедшей до читателя информации. Выяснение причин редуцирования текста (цензурой, конъюнктурой или просто осторожностью автора) станет задачей будущих исследователей-текстологов.

Интересен эпизод, относящийся к 1900 г., по понятным причинам не попавший в текст 1965 г. В нем А. Е. Богданович передает впечатления от встречи с А. И. Рыковым, в то время молодым длинноволосым человеком со «смелым выражением смугловатого лица», в доме А. М. Горького на Канатной улице [12, с. 410]. Рыков был живым и энергичным человеком, «с огромным запасом внутренней силы». В спорах он не щадил противника и независимо от пола и возраста оппонента выдавал жесткие характеристики. Снисходительно относясь к гостю, Горький все же пресекал попытки восхвалять ретивого революционера. Из купированного отрывка воспоминаний А. Е. Богдановича узнаем:

«Когда я сказал А. М.<аксимови>чу, характеризуя нового гостя:

— Вот молодой человек с большим запасом революционной силы, — А. М. <...> заметил:

— А знаете ли, что он сказал про Елену Ильиничну²? — Что это у вас, — говорит, за старые, разбитые часы оказались? — Это Елена-то Ильинична, завзятая революционерка, старые разбитые часы? Вот как они, молодые, неуважительно чистят своих предшественников!» [12, с. 410–411].

Готовя публикацию писем Горького А. И. Рыкову в 2018 г., автор этих строк долго искала какие-нибудь упоминания о времени знакомства писателя и будущего государственного деятеля Советской страны. Было обнаружено, что первое упоминание фамилии Рыкова в переписке Горького относится к маю 1909 г. Именно тогда А. А. Богданов, организовавший вместе с А. В. Луначарским

² Елена Ильинична Гурвич (в девичестве — Кушелевская) (1855–19...) — революционерка, член Бунда, соратница А. М. Горького.

и М. Горьким партийную школу на Капри, писал последнему о том, что А. И. Рыков после колебаний перешел на ленинскую платформу и, более того, стал относиться к идее школы для рабочих «с непонятной <...> враждой...» [6, т. 7, с. 420]. В письме Богданов сокрушался о том, что Рыков не понял задач, стоящих перед партийной школой на Капри. Но сама тональность письма свидетельствовала о многолетнем знакомстве участников переписки с Рыковым.

Гипотеза о возможном годе знакомства была нами высказана ранее: участники переписки могли встречаться в 1905 г., когда Рыков был избран делегатом на III съезд РСДРП (март 1905 г.) и вошел в состав ЦК [13, с. 44]. Впоследствии Рыков стал видной фигурой в партии и даже возглавил Петербургский партийный комитет. О встречах Горького с ним косвенно свидетельствует большевик А. Ф. Войткевич, который вспоминал о нелегальном периоде своей работы и партийных собраниях на квартире Горького, на которых «присутствовал ряд видных деятелей партии» [13, с. 44].

Как тут не сопоставить одну важную деталь в биографии Рыкова: после 1908 г. одной из партийных кличек Рыкова была фамилия Власов, что автоматически связывало видного партийца с главным героем романа Горького «Мать». Богданович, зная Рыкова лично, вспоминал: «В это время А. М<аксимови>ч писал своих “Мещан”. Читая эту пьесу, я находил в обрисовке характера Нила много сходных черт с характером молодого А. И. Рыкова, тогда как Тетерева я представлял себе в образе Скитальца...» [12, с. 412].

Несомненно, трагическая смерть Рыкова в 1938 г. сделала его фамилию неупоминаемой. Это коснулось и мемуаров, посвященных писателю Горькому. К сожалению, таких фамилий немало: многие репрессированные деятели были знакомы с Горьким, Богданович о них вспоминал, но редакторы вычеркивали запрещенные имена...

Год первого приезда Горького в Советскую Россию, май 1928 г., безусловно, можно считать началом юбилейной мемуаристики, поспособствовавшей зарождению и бытованию различного рода легенд о писателе. В своей работе над книгой воспоминаний И. А. Груздев не раз сталкивался с так называемыми апокрифическими рассказами о жизни писателя. Весьма примечателен один эпизод, вошедший в его книгу, где он рассказывает о фейковой истории пребывания Горького в Средней Азии, в Чарджуе, в 1890 г. Историю распространил некий Баландин, которому Груздев не поверил и в одном из писем попросил Горького подтвердить ложность или правдоподобие факта [14, с. 170]. 21 февраля 1928 г. Горький написал в ответ: «...в 90 г. я пребывал <...> в Нижнем, а не в Чарджуе, где никогда не был, — клянусь! Обвинение это предъявлено мне вторично: в 9 или 10-м году оно было напечатано — в саратовской или астраханской газете — со слов бывшего приятеля моего Баринава <...> С Баринным я, действительно, собирался перескочить через Каспий к персам, но это у нас не вышло... На этом и покончим с Туркестаном» [6, т. 17, с. 200].

Фольклорист Н. М. Хандзинский, впоследствии опубликовавший запись Баландина, проанализировав текст этой записи, пришел к интересному выводу

о том, что ученые в подобных случаях имеют дело с редким фольклорным жанром, в котором «Горький дан в канун своей славы в таких тонах и в такой обстановке, чтобы сильнее выиграть потом. Контраст личной жизни писателя <...> стал в легенде литературным приемом» [15, с. 107]. Для фольклориста была не важна достоверность биографических данных, запись была интересна «как звено в становлении литературной биографии» [15, с. 107]. Эта фольклорная запись фантазера Баландина оказалась одной из многих в мифотворческой истории о писателе, которую горьковедом приходится разрушать!

Последующий строгий отбор мемуаров, равно как и купирование публикуемых воспоминаний, отражал процесс создания живого символа нового мира. О подобной «селекции» свидетельствует и другой факт. Так, в 1942–1943 гг. З. Г. Морозова — вдова купца С. Т. Морозова — написала воспоминания о переломном времени и о своей семье. В записях она затронула отношения Саввы Тимофеевича с Максимом Горьким. Однако этим материалом осталась недовольна Е. П. Пешкова. В письме супруге Горького от 23 мая 1944 г. З. Г. Морозова написала: «Дорогая Екатерина Павловна! Мне передавали, что Вы очень недовольны (в моих записках) отношением к Горькому. Я хорошо знаю Савву Тим<офеевича> и понятие Горького о нем считаю неверным, о чем и пишу в своих записках...» [16, с. 237]. Письмо проясняет, почему публикация воспоминаний Морозовой состоялась только в 2009 г.: искажение «канонического» образа Горького цензура в те годы посчитала неприемлемым.

Одним из ярких примеров процесса сотворения легенд о Горьком стала критика книги К. Феина «Горький среди нас: Картины литературной жизни». Еще в 1924 г. Феин описал свое знакомство с Горьким в 1920 г. в Петербурге, его роль в своей писательской судьбе [17, с. 354], о чем пообещал написать позднее. Свое обещание Феин выполнил в 1944 г. Именно тогда была готова его книга «Горький среди нас», где утверждалась мысль о сложности и неоднозначности личности писателя: «Горький — человек великих шатаний, истинно-русский, истинно-славянский писатель со всеми безднами, присущими русскому таланту» [18, с. 525]. Феин протестовал против приукрашивания образа Горького и хотел заставить общество взглянуть на писателя другими глазами. Однако во второй половине XX в. это сделать не удалось. Один из многих критиков книги Феина Л. М. Леонов отозвался о ней не просто крайне отрицательно, но требовал отказаться от публикации подобных материалов вообще: «Книга Феина о Горьком плохая. Недопустимо опубликование писем и высказываний Горького без учета, что это в итоге исказит образ Алексея Максимовича. <...> У меня тоже есть письма Горького, воспоминания о беседах с ним, но я не предаю и не предаю этот материал гласности в интересах сохранения в народе цельного образа великого писателя» [18, с. 526].

В 1988 г., в юбилейный год 120-летия со дня рождения писателя, тему конъюнктуры поднял литературовед Д. А. Благов, который заявил о необходимости отказаться от работ ситуативного характера: «В литературоведении

бракованная продукция вредна... тем, что ее надо хранить, как-то иметь в виду в новых разработках “старых” тем» [19, с. 196].

Нельзя сказать, что попытки мемуарной реабилитации не предпринимались. Так, сотрудниками ИМЛИ РАН был издан двухтомник «Максим Горький в воспоминаниях современников» (1981). Однако это была лишь капля в огромном море документов эпохи в совокупности с большим количеством «поверхностно-панегирических работ» [19, с. 196]. Конъюнктурная цензура конца 1980-х – первой половины 1990-х гг. привела к тому, что общество постепенно стало забывать о большом писателе Горьком. А если и вспоминало, то всегда с негативным оттенком. Как-то вдруг все сразу забыли о его произведениях, о его роли в истории страны, литературного процесса, о том, что это фигура мировой культуры.

Такое положение дел отметила литературовед Л. Гинзбург: «Многие сейчас пишут так, как если бы XX века... никогда не существовало... Как если бы не было и Горького» [20, с. 309–310].

Подводя итоги, отметим, что мемуарная литература бывает разной, но она как отражение эпохи и мыслей авторов, писавших свои воспоминания, должна непременно присутствовать в качестве обязательного атрибута в системе изучения художественного и эпистолярного наследия писателя.

Мемуарная литература умеет возвращать обществу человека во всей сложности его мировоззрения и художественного таланта. Так и произошло с Горьким, ибо «он был и остается одной из заметных и, несомненно, крупных фигур первой трети двадцатого века» [21, с. 542]. Разумеется, не вся мемуарная литература заслуживает безоговорочного доверия. Надо помнить, что с автором воспоминаний полемизировать невозможно. Но спорить с ним необходимо, потому что привычные, устоявшиеся во времени представления о Горьком можно и нужно оспаривать только языком документов. К счастью, мемуаристы и исследователи прошлого века предоставили их в распоряжение XXI в.

Список источников

1. Лотман Ю. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство; 1994. 670 с.
2. М. Горький в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит.; 1981. 445 с.
3. Федотов Г. На смерть Горького: [некролог]. Новая Россия. 1936; № 9. (1 июля): 7.
4. Горький: сб. статей и воспоминаний о М. Горьком / под ред. И. А. Груздева. М.; Л.: Госиздат; 1928. 480 с.
5. Груздев И. А. Горький и его время. 3-е изд., доп. Т. 1. М.: ГИХЛ; 1962. 700 с.
6. Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 1–21. М.: Наука; 1997–2019.
7. Покровский Ю. А. Письмо М. Горькому от 26. 01. 1934 г. *Архив А. М. Горького. Москва. ИМЛИ РАН. КГ-рзн-8-22-1.*
8. Горький М. Письмо Ю. А. Покровскому от 15.02.1934 г. *Архив А. М. Горького. Москва. ИМЛИ РАН. ПГ-рл-31-26-2.*

9. Скиталец. Максим Горький. *Литературное окружение Максима Горького (1892–1904 гг.)* / сост.: Л. Е. Кудрина, М. Г. Уртминцева, П. Е. Янина. Н. Новгород: БегемотНН; 2017: 213–247.
10. Мой век. Мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М.: Московский рабочий; 1990. 734 с.
11. Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 гг. / под общ. ред. О. Н. Михайлова. М.: Наследие; 1998. 635 с.
12. М. Горький и А. Богданович: Дружба, рожденная на берегах Волги. Переписка, воспоминания, архивные публикации, исследования: к 150-летию А. М. Горького / редколлегия: Д. С. Московская (отв. ред.), М. А. Барановский, О. В. Быстрова, О. С. Гожалимова, Л. Г. Жуховицкая. И. В. Мышковец, Н. В. Трус. М.: Пресс-Меню; 2018. 648 с.
13. Быстрова О. В. «...Дайте возможность работать без помех...»: Неизвестные письма М. Горького А. И. Рыкову. *Наше наследие*. 2018; № 125: 44–51.
14. Архив А. М. Горького. Т. 11. Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым. М.: Худож. лит.; 1966. 384 с.
15. Хандзинский Н. Сибирские записи воспоминаний о М. Горьком. Сибирские огни. 1930; № 7: 106–111.
16. Контекст. Историко-литературные и теоретические исследования. 2008 / редколлегия: Е. В. Иванова (отв. ред.), П. В. Палиевский, С. А. Небольсин. М.: ИМЛИ РАН; 2009. 408 с.
17. Писатели. Автобиографии современников и портреты современных русских прозаиков / под ред. Вл. Лидина; 2-е изд., доп. и испр. [М.]: Современные проблемы; 1928. 395 с.
18. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / сост.: А. Артизов, О. Наумов. М.: Демократия; 1999. 872 с.
19. Благоев Д. А. М. Горький и мы: (К 120-летию со дня рождения Горького). *Звезда*. 1988; № 3: 195–201.
20. Гинзбург Л. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.: Искусство; 2002. 768 с.
21. Публицистика М. Горького в контексте истории: Исследования и материалы / редколлегия: С. Д. Островская, М. А. Семашкина, Л. А. Спиридонова (отв. ред.). Вып. 8. М.: ИМЛИ РАН; 2007. 639 с.

References

1. Lotman Yu. Besedy` o russkoj kul`ture: By`t i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka). SPb.: Iskusstvo; 1994. 670 s. (In Russ.).
2. M. Gor`kij v vospominaniyah sovremennikov: v 2 t. T. 2. M.: Xudozh. lit.; 1981. 445 s. (In Russ.).
3. Fedotov G. Na smert` Gor`kogo: [nekrolog]. Novaya Rossiya. 1936; № 9 (1 iyulya): 7. (In Russ.).
4. Gor`kij: sb. statej i vospominanij o M. Gor`kom / pod red. I. A. Gruzdeva. M.; L.: Gosizdat; 1928. 480 s. (In Russ.).
5. Gruzdev I. A. Gor`kij i ego vremya. 3-e izd., dop. T. 1. M.: GIXL; 1962. 700 s. (In Russ.).
6. Gor`kij M. Poln. sobr. soch. Pis`ma: v 24 t. T. 1–21. M.: Nauka; 1997–2019. (In Russ.).

7. Pokrovskij Yu. A. Pis`mo M. Gor`komu ot 26. 01. 1934 g. *Arxiv A. M. Gor`kogo. Moskva. IMLI RAN. KG-rzn-8-22-1.* (In Russ.).
8. Gor`kij M. Pis`mo Yu. A. Pokrovskomu ot 15.02.1934 g. *Arxiv A. M. Gor`kogo. Moskva. IMLI RAN. PG-rl-31-26-2.* (In Russ.).
9. Skitalecz. Maksim Gor`kij. *Literaturnoe okruzhenie Maksima Gor`kogo (1892–1904 gg.)* / sost.: L. E. Kudrina, M. G. Urtinceva, P. E. Yanina. N. Novgorod: BegemotNN; 2017: 213–247. (In Russ.).
10. Moj vek. Moi druž`ya i podругi. Vospominaniya Mariengofa, Shershenevicha, Gruzina. M.: Moskovskij rabochij; 1990. 734 s. (In Russ.).
11. Bunin I. A. Publicistika 1918–1953 gg. / pod obshh. red. O. N. Mixajlova. M.: Nasledie; 1998. 635 s. (In Russ.).
12. M. Gor`kij i A. Bogdanovich: Druzhba, rozhdennaya na beregax Volgi. Perepiska, vospominaniya, arxivny`e publikacii, issledovaniya: k 150-letiyu A. M. Gor`kogo / redkollegiya: D. S. Moskovskaya (otv. red.), M. A. Baranovskij, O. V. By`strova, O. S. Gozhalimova, L. G. Zhuxoviczkaya. I. V. My`shkovecz, N. V. Trus. M.: Press-Menyu; 2018. 648 s. (In Russ.).
13. By`strova O. V. «...Dajte vozmozhnost` rabotat` bez pomex...»: Neizvestny`e pis`ma M. Gor`kogo A. I. Ry`kovu. *Nashe nasledie.* 2018; № 125: 44–51. (In Russ.).
14. Arxiv A. M. Gor`kogo. T. 11. Perepiska A. M. Gor`kogo s I. A. Gruzdevy`m. M.: Xudozh. lit.; 1966. 384 s. (In Russ.).
15. Xandzinskij N. Sibirskie zapisi vospominanij o M. Gor`kom. *Sibirskie ogni.* 1930; № 7: 106–111. (In Russ.).
16. Kontekst. Istoriko-literaturny`e i teoreticheskie issledovaniya. 2008 / redkollegiya: E. V. Ivanova (otv. red.), P. V. Palievskij, S. A. Nebol`sin. M.: IMLI RAN; 2009. 408 s. (In Russ.).
17. Pisateli. Avtobiografii sovremennikov i portrety` sovremenny`x russkix prozaikov / pod red. Vl. Lidina; 2-e izd., dop. i ispr. [M.]: Sovremenny`e problemy`; 1928. 395 s. (In Russ.).
18. Vlast` i xudozhestvennaya intelligenciya. Dokumenty` CzK RKP(b) – VKP(b), VChK – OGPU – NKVD o kul`turnoj politike. 1917–1953 gg. / sost.: A. Artizov, O. Naumov. M.: Demokratiya; 1999. 872 s. (In Russ.).
19. Blagov D. A. M. Gor`kij i my`: (K 120-letiyu so dnya rozhdeniya Gor`kogo). *Zvezda.* 1988; № 3: 195–201. (In Russ.).
20. Ginzburg L. Zapisny`e knizhki. Vospominaniya. E`sse. SPb.: Iskusstvo; 2002. 768 s. (In Russ.).
21. Publicistika M. Gor`kogo v kontekste istorii: Issledovaniya i materialy` / redkollegiya: S. D. Ostrovskaya, M. A. Semashkina, L. A. Spiridonova (otv. red.). Vy`p. 8. M.: IMLI RAN; 2007. 639 s. (In Russ.).

Информация об авторе

Быстрова Ольга Васильевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела издания и изучения творческого наследия М. Горького Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН.

Information about the author

Olga V. Bystrova — PhD (Philology), senior research fellow of the Department of Publication and Study of M. Gorky's Creative Heritage of the Institute of World Literature named after A. M. Gorky of the Russian Academy of Sciences.